

ГЛАВНОЕ В ФИЛОСОФИИ – ПРОФЕССИОНАЛИЗМ

*Интервью с доктором философских наук, профессором, главным научным сотрудником сектора истории западной философии Института философии Российской академии наук **Нелли Васильевной Мотрошиловой (Н.В.)**. Беседу вели: профессор **М.В. Силантьева (М.В.)** и профессор **В.С. Глаголев (В.С.)**.*

В.С.: Для начала позвольте спросить о Вашем отношении к тому, что сегодня происходит с нашим философским наследием. Прежде всего, с наследием так называемого «советского периода» (особенно после 1956 г. и примерно до 1968 г.). По-моему, для науки и философии это было очень содержательное время – здесь и расширение полей исследования, и углубление в ранее «закрытую» проблематику. И, конечно же, очень высокая степень открытости информации...

Н.В.: Согласна с такой формулировкой. А какое количество интересных профессиональных философов тогда появилось! Некоторые имена, к сожалению, если не совсем забыты, то полузабыты. Сейчас это одно из главных моих переживаний: личная причина возвращать истории отечественной философии имена. И есть ещё одна причина: в воспоминаниях об этом периоде развития нашей философии полно стереотипов. Чтобы их преодолеть, я в последнее время работала и работаю над различными проектами. Один уже

выполнен – для журнала «Russian Studies in Philosophy», который в Америке издаёт профессор Марина Быкова – очень хороший исследователь немецкой классической философии.

И первое, с чего приходилось начинать, – опровержение стереотипа, выраженного словами «советская философия». Я попыталась конкретно доказать (частично мои работы на эту тему уже опубликованы): то, что было в философии «советского», то не было философией. А то, что было философией, имело лишь очень косвенное, по большей части критическое, отношение к тому, что можно назвать «советским». М.К. Мамардашвили, выдающийся философ этого времени, выразил одну из своих критических идей следующим образом: «О бессилии советской власти в советской стране». Сказано об очень важном и предельно точно.

В.С.: Диагноз!

Н.В.: Моя борьба против стереотипа «советская» философия – не только моя. И она находит всё больше сторонников, в том числе на Западе. Например, в не так

давно вышедших исследованиях итальянского философа Даниэлы Стейлы подтверждена необходимость отбросить штамп «советская философия». В мире довольно много центров исследования российской философии, просто они переживают не лучшие времена. Так вот, Даниэла Стейла подтверждает: на Западе было распространено мнение, что в советское время наша философия была сплошь догматической, но теперь западным исследователям приходится существенно пересматривать свои взгляды. На Западе серьёзным исследователям российской философской мысли стало понятно, что в советское время философия была очень глубокой, со многими достижениями, и что сейчас её надо изучать серьёзно. Сама Даниэла глубоко исследует философию Э.В. Ильенкова и А.А. Зиновьева.

Я с этой точкой зрения полностью согласна (подробности – в моей книге «Отечественная философия 1950-ых – 1980-ых годов XX века и западная мысль»). Получается так: материала достаточно, но из-за сложившихся стереотипов приходится доказывать очевидные вещи. Поэтому я работала и работаю над тем, чтобы подтвердить вывод о солидной исследовательской базе философии в России этих лет и её связи с классической российской философией.

В.С.: *Поддержу Вас, особенно вот в каком отношении: может быть, корни этой глубины стоит отсчитывать с 1943 г., когда появился третий том «Серой лошади» (в «фольклоре» философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова «Серой лошадьё» назывался трехтомник «Истории философии, выпущенный в 1941-1943 гг. – прим.), где излагалась немецкая классическая философия. В условиях, когда только что был Сталинград, Орёл, Белгород, прогремел первый салют, выходит том, посвящённый немецкой классической философии. Что же касается интерпретации философских текстов в тогдашних учебниках под редакцией Митина, Юдина, Розенталя и дальше можно идти до Константинова включительно, – это, конечно же, в значительной степени оскпление их творческого философского содержания.*

Н.В.: Но вы согласны, что это последнее – не философия?

В.С.: *Я согласен, что это официальная интерпретация, которая, как суррогатная пища, предлагалась основной массе населения и нашим кафедрам, преподававшим философию.*

Н.В.: Согласна, но с целым рядом очень серьёзных поправок. Основной пункт, по моему мнению, для этого периода характерна своеобразная антиномия: на одной стороне – официальное, повёрнутое в сторону философии, что по существу было направлено против философии, хотя и действовало в её сфере – что-то философское регулировалось, досматривалось, проверялось. Это одна сторона антиномии. И было несколько пунктов, в которых всё это выражалось (вплоть до того, что защитить диссертацию можно было, только сославшись на очередное решение пленума ЦК КПСС).

Был такой как бы смешной (но реальный) случай: человек защищает диссертацию по гуманитарной дисциплине и ссылается, как требуют, на постановления очередного пленума ЦК КПСС. А какой-то ушлый читатель диссертации, который был на защите, поднял руку и робко сказал: «Вот на той странице, на которую Вы

ссылается, речь идёт о решениях плена относительно разведения крупного рогатого скота...». И всё подобное относилось к первой стороне антиномии. В своей книге «Отечественная философия 1950-ых – 1980-ых гг. XX века и западная мысль» я более подробно описала систему «советского» надзора за философией. Например, выдвижение сталинских академиков, когда Сталин позвал к себе Митина, Константинова и Юдина и сказал: «А что, товарищи, а не стать ли вам академиками?» И тогда один из них «согласился» стать членом-корреспондентом, а два других «великодушно согласились» стать академиками. И произошло это сразу, в кабинете Сталина, без всяких выборов.

Вторая сторона антиномии связана с проблемой, о которой мы сейчас говорим. Вопрос о добросовестной, профессиональной истории философии встал ближе к 1950-ым гг. Я в то время училась в университете (МГУ им. М.В. Ломоносова – прим.), и могу, как свидетель, описать многие оттенки того, как существовала и развивалась философия в этот период. Так, у нас была целая когорта преподавателей, действовавших в смысле первой стороны антиномии. Самая «блистательная», в кавычках, конечно, была кафедра истории русской философии, самая отвратительная, самая бессовестная! Причём заполненная сначала, по сути, невежественными догматиками. Правда, постепенно и там стали появляться новые люди: нам преподавали Г.С. Арефьева, В.Н. Бурлак, аспиранты Ю.Ф. Карякин и другие. Даже там всё менялось. А на других кафедрах и подавно!

Моим научным руководителем по дипломной работе был В.Ф. Асмус. Её тема: «Второй том «Логических исследований» Гуссерля». Представляете, это 1955-1956 гг.! Преподавали у нас, к счастью, такие профессиональные философы, как Э.В. Ильенков, М.Ф. Овсянников, целый ряд других педагогов с кафедры истории философии. Т.И. Ойзерман был заведующим этой кафедрой. Одним словом, нам повезло: нас учили профессиональные историки философии. Закономерно свершилось объединение старшего поколе-

ния (Асмус) тех тогда молодых людей, которые пришли с войны (Ильенков, Зиновьев), и совсем молодого поколения. И вот это поколение – я в книге по именам перечисляю, кто в 1950-1980-ые гг. профессионально занимались, в частности, историей западной философии и составили цвет философии советского периода.

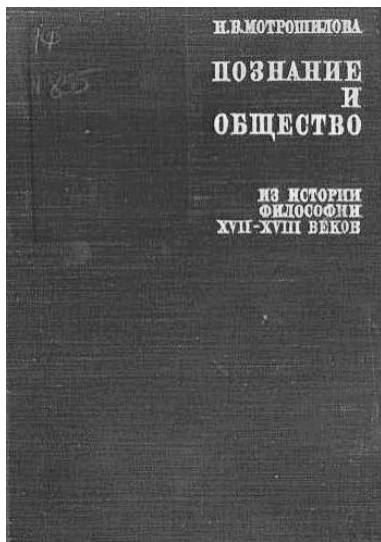
М.В.: *Если позволите, у меня возник вопрос, несколько оторванный от исторической канвы: насколько человек, вставший на путь поиска истины, способен измениться? Ведь философы, которых Вы назвали, не «возникли» на пустом месте. Конечно, фигура В.Ф. Асмуса здесь для многих ключевая; как, впрочем, и фигура А.Ф. Loseva, который однажды (кажется, в журнале «Пионер») написал: «Истина может говорить любым языком, даже языком марксизма».*

Н.В.: С марксизмом дело обстоит сложнее. Это интересный сюжет, но его надо обсуждать отдельно. Дело в том, что лучшие новые философы – М.К. Мамардашвили, Н.И. Лапин и другие – по-новому освещали философию марксизма. Лапин, например, опубликовал книгу «Молодой Маркс», которая была переведена в разных странах. Я бы сказала, что обобщённо картина выглядит так: всё лучшее, что возникло в философии 1950-ых, 1960-ых, 1970-ых, 1980-ых годов, возникло всё же вокруг поисков философской истины. Её, конечно, по-разному понимали. Важно, что и тогда в области поисков истины решающую роль играли общение, коммуникация творческих сил в сфере философии. Поэтому я в своё время предложила и до сих пор разрабатываю вариант коммуникативной социологии познания, применённую именно к философии познания. Коммуникативной – в том смысле, что громкие имена в философии – это не разобшённые единицы, а профессиональные сообщества.

В.С.: ... *взаимодействие?*

Н.В.: Не просто взаимодействие! В 1960-ые - 1970-е гг. по всей стране начали создаваться *философские школы*. По этому поводу, кстати, есть конкретное исследование в «Новой философской

энциклопедии» (в статье В.А. Лекторского с соавторами). Там рассказано про философские школы, возникшие в эти годы. И они складывались не только в Москве, а также в Ленинграде, Новосибирске, Ростове-на-Дону, Саратове. Были национальные школы, – почти в каждой республике. Вы вспомните только, какая сильная, живая была философия на Украине! Эти школы состояли из очень известных в философии людей. То были логики, историки философии. Они концентрировались и в высшей школе, и при республиканских Академиях наук.

В.С.: Если позволите, я ради исторической правды хотел бы назвать два имени людей с кафедры русской философии Философского факультета МГУ. Одно имя – куратора моей группы П.С. Шкуринова – исследователя позитивистских школ Московского государственного университета (дореволюционного, конечно, периода). У него была очень интересная публикация о воззрениях Владимира Ивановича Танеева – брата знаменитого композитора. Всё – в рукописи, но тем не менее эти идеи имели влияние на «близкий круг» единомышленников и студентов. Второй, кого бы я отметил, – И.Я. Щипанов, отличавшийся потрясающей работоспособностью. Он конспектировал день и ночь, и если с ним надо было разговаривать не в порядке

«реализации», что называется, очередного постановления инстанций, а по содержанию, – становилось очевидным потрясающее знание текстов русской философии.

Н.В.: Те, кого Вы назвали, – не мои герои. Как раз наоборот. Что касается Щипанова, то я лично от него пострадала. Я тогда была среди студентов, активно выступавших против того типа преподавания российской философии, который имел место, в том числе на кафедре Щипанова. Работы Шкуринова я впоследствии читала, но это не моя область. Простите, могу сказать что-то иное, в противовес Вашим оценкам. Правда, я не читывалась в их труды. Нам нравились новые преподаватели, которые появились на этой кафедре. Лекции же перечисленных Вами преподавателей были (и это не только мои оценки) догматическими, скучными, малограмотными. В той студенческо-аспирантской среде, которая мне была близка, это было общее мнение. (Возможно, Вы знали ещё что-то другое об этих педагогах). Я же примыкала к той факультетской молодёжи, которая уже в то время активно протестовала против догматического, малограмотного стиля преподавания русской философии. Например, классическую отечественную философию дореволюционного периода они дружно осыпали проклятиями.

И когда в нашу группу пришла молодая тогда Арефьева и стала нас по списку проверять, она спросила: «Вы Мотрошилова? Вы нам известны, потому что вашу фамилию Щипанов произносит с маленькой буквы: “эти мотрошиловы”». Так что у каждого из нас своё поле воспоминаний. Но я должна сказать, что я не такой, как Вы, специалист в писаниях этих философов, если их так можно назвать (я не специалист по Щипанову или Шкуринову).

М.В.: И слава Богу...

Н.В.: У меня были другие учителя. Но я за то, чтобы все могли делиться своими воспоминаниями.

В.С.: Маленькая деталь – Вы, наверное, работали с Иовчуком – будущим академиком...

Н.В.: Точнее сказать: Иовчук «работал» против нас уже с нашей студенческой поры, а особенно впоследствии.

В.С.: *В мои студенческие годы он был профессором. Он в 1959 г. читал нашему курсу лекцию на тему «Развитие диалектического и исторического материализма в документах XXI съезда Коммунистической партии Советского Союза». И я уяснил, что диалектический материализм этот съезд развил в шести направлениях, а исторический – аж в восьми.*

Н.В.: Ну, что касается Иовчука, то у меня опять же есть личные воспоминания – а их куда не денешь...

В.С.: *...Да и не нужно...*

Н.В.: Я помню: когда я доросла до такого возраста, когда наше поколение выдвигали в академики, а он был влиятельным лицом в Академии наук. Меня тоже выдвигали. Иовчук где-то сказал: «Мотрошилова – только через мой труп!» При этом труп потом историей был предьявлен. Но вот в Академию мне уже было поздно баллотироваться. Это, конечно, мой особый опыт. Впрочем, я совершенно уверена, что полнота картины должна слагаться из разного опыта. Если возвратиться к философскому факультету, то самое главное, что можно сказать о философии того периода, – происходило размежевание. Причём размежевание, скажем, со стороны молодых было достаточно воинственным – видите, борьбой со мною, студенткой, заинтересовался заведующий кафедрой Щипанов. Дело в том, что они нам очень многое в жизни портили и тогда, и впоследствии, ибо мы были против того способа изображения русской философии, который был принят в их лекциях, их писаниях. И кстати, я не знаю, как вам открылся Щипанов, но мне казалось, что это абсолютно безграмотный человек.

В.С.: *...Знавший тексты...*

М.В.: *и умеющий конспектировать – важное умение для преподавателя...*

Н.В.: Конспектировать?! А лекции были какие? Дело в том, что я вместе с другими вынуждена была слушать его

лекции и сдавать ему экзамены. Причём они не смогли мне поставить «четвёрку», я готовилась усиленно, но и на экзаменах не повторяла их формулы.

В.С.: *Это хорошо о них говорит, между прочим...*

Н.В.: Это говорит о них хорошо? Нет, это скорее говорит вот о чём: Щипанов не единственный был на этом экзамене. Экзаменовали нас Арефьева, Бурлак и кто-то из их аспирантов. А аспиранты у них в то время и у них на кафедре замечательные появились! Так вот: везде была такая борьба. У меня уже тогда был именно тот пункт, касающийся русской философии: я стала усиленно изучать историю русской философией дореволюционного периода, что и потом оставалось предметом моих занятий. За годы работы в философии у меня накопились специальные исследования, в том числе изданные за границей (посвящённые С.Л. Франку, Г.Г. Шпету и другим российским философам). Вот посмотрите – как вы думаете, что это? Это первый том нынешнего собрания сочинений Франка. Это блестящая книга, просто блестящая!

В.С.: *А с Г.Е. Аляевым Вам приходится общаться? Украинским философом, который занимается Франком?*

Н.В.: Нет. А вот теперь подготовлен в Свято-Тихоновском Институте макет исследований философии С.Л. Франка. Том, просто выдающийся по историко-философской квалификации и фундаментальности. Когда я была приглашена в Германию участвовать в первом томе немецкого собрания сочинений Франка (куда написала по их предложению некоторые тексты, которые связаны с одной из работ Франка, а именно, по «Предмету знания»).

В философском русском зарубежье тоже всё было непросто. Сколько там после революции было философов, которые и не хотели уезжать из России. И среди них – лишь часть тех, кто действительно выступал против советской власти. Всё было сложно, очень сложно. В том числе – в силу этой сложности в этой истории есть, в чём разбираться! Оплёвывание русских философских традиций я никог-

да не могла и не могу простить щипановской кафедре. Ведь именно её силами исследования в области истории философии в России долгое время были просто перечёркнуты. Историческую память начали восстанавливать много позже – например, тогда, когда журнал «Вопросы философии» стал публиковать серию «Мыслители России».

М.В.: *Если вернуться к философскому – не факультету, а к философии как институту. В те непростые годы была, тем не менее, востребованность философии, в том числе и региональная. Философия (именно философия, а не идеология) была очень узким каналом питания, но она была, и позволяла людям интеллектуально расти.*

Н.В.: Исследования этого периода развития нашей философии показывают их ключевую особенность. В нескольких словах попытаюсь её выразить. Давайте мысленно прогуляемся по философским учреждениям Москвы того времени. Что мы увидим? Очень интенсивное развитие философии, занятой поиском истины, узловыми исследованиями по истории философии, логике, этике. Даже в том, что называлось «историческим материализмом». Возникают целые школы. Работают и Бахтин, и историки философии, и новые философы того времени, такие, как Мамардашвили и Зиновьев. Они начали работать на основе философских принципов исследования, анализа, специализации. Лучше всего развивались эти исследования в рамках даже не институциональных структур. Правда, философские факультеты развивались творчески, и наш институт (Институт философии Академии наук – прим.) был тогда в очень неплохом состоянии. Те же люди продолжают работать и сейчас, точнее, те из них, кто ещё живы.

Так вот, то было время, когда работа складывалась из деятельности малых сообществ: кто-то работал с Бахтиным, кто-то с Ильенковым, кто-то с Мамардашвили... Потом новые приходят поколения. При этом почти во всех философских специализациях – история философии, логика, этика, социальная философия,

философия познания – везде есть свои ячейки, которые работают, выходят и на официальный уровень, просто потому, что Институт философии Академии наук выполняет план. Философский факультет МГУ тоже выполняет план. И ваш институт МГИМО тоже выполняет свой план – в том числе, по философии. Причём у вас на кафедре выходили прекрасные книги, например, на тему поколений, и в философии тоже. С учётом всего этого и нужно рассматривать «коммуникативную социологию познания», которую я разрабатывала и разрабатываю.

Кстати, я раскопала ещё одну вещь... Видите ли, я люблю конкретику, детали. Знаю, что многих это утомляет, меня – нет. Так вот, я изучила: кто, где, когда и в каких сообществах был, что читали и что писали философы. Потом взяла различные философские справочники и проследила, кто и откуда приехал в столицы – Москву, Ленинград и оставался там. Знаете, что у меня получилось? *Только 3% людей, которые прочно вошли в философию в послевоенное время, были родом из Москвы и больших городов. Все остальные родились в других городах и вся их оттуда приехали в столицу.*

Это тоже к слову о первой стороне антиномии. Я окончила очень хорошую московскую школу: наше поколение училось у старых учителей, половина из них была с солидным дореволюционным образованием (например, наш гениальный школьный математик и немножко смешной, но бесконечно образованный литератор). Такого, как сейчас, у нас, в сущности, в школьное время не было. Тогда были единицы неграмотных, сейчас же – единицы грамотных. Моя 639-я школа, кстати, до сих пор существует. Я не москвичка. Родилась в семье директора школы, который уже в те годы учил немецкий язык и знал его в совершенстве. А в 29 лет он погиб на фронте. До этого мы переехали в Москву, где он был преподавателем Военной академии.

Школьное образование я получила в Москве. И вот в 1951 г. я поступаю на философский факультет, где произносит приветственную речь декан философ-

ского факультета А.П. Гагарин. Говорил он так, что я лично просто опешила. Не могла понять, откуда появился такой необразованный, неграмотный человек в Университете... И я подумала: куда же я попала?!

В.С.: *Могу я дополнить своим свидетельством? Первая, вступительная, лекция, 1955 год, читает В.С. Молодцов, тогдашний декан философского факультета. Он вынимает из портфеля «Диалектический материализм», открывает на странице, где «Введение» и, водя пальцем по книге, полтора часа произносит «лекцию». Я был потрясен. А ведь приехал из провинции, из деревни в Тульской области.*

Н.В.: Теперь скажу про другую сторону антиномии: какие ребята приехали поступать в МГУ! На предыдущие курсы поступают В.А. Лекторский, П.П. Гайденок. Э.Ю. Соловьёв учился на курс позже меня, он приехал из Нижнего Тагила, его отец был репрессирован. Но с каким он приезжает образованием! Вы спросите, почему? В это время в Нижний Тагил приезжают эвакуированные, среди которых – выдающиеся учёные, педагоги и т.д. Они берут под опеку самых способных школьников. Так что работает высокий традиционный уровень классического гимназического образования ещё дореволюционной России. Он и влиял на нас – через наших учителей. Это было другое образование. Если сравнить моих сегодняшних студентов, даже очень одарённых ребят, которые всё равно жертвы ЕГЭ, – почти никто из них не может толкового текста написать. Так вот, те ребята, что приехали, получили образование в Москве, Петербурге, Киеве в ближайшие годы после войны, составили основу поколения, творчески относившегося к науке и философии. Вот приезжает в Москву Мамардашвили, который родился, кажется, в Гори. Но он уже на 2-3 курсе был властителем дум на факультете! И таких было очень много. И мы, младшекурсники, всё время бегали по каким-то кружкам, семинарам, посещали разные лекции.

Кстати, Асмус у нас не преподавал, это я к нему ходила на лекции, а потом

стала писать работу, как я уже сказала, о втором томе «Логических исследований» Э. Гуссерля. Когда я пришла просить его стать моим руководителем по такой-то теме, он вдруг минут на пять замолкает. А я думаю, ну, сейчас меня прогонят с этой темой! А он вдруг мне говорит: «Вы знаете, сколько лет я жду, что кто-то придёт и попросит у меня быть руководителем по этой теме?» Потому что он очень хорошо знал Гуссерля и феноменологию.

Так и произошло объединение поколений. При этом жёстко и долго действовала первая сторона антиномии, «антифилософская». И мы теперь хорошо знаем, в чём она выражалась. Увы, отношу туда и названных Глаголевых его учителей. В любом случае, нам было у кого учиться. Моим главным учителем был Ильенков. Однажды он пришёл в нашу группу и сказал: «А как у Вас обстоит дело с немецким языком?» В моей хорошей московской школе преподавательницей немецкого была настоящая немка. Она приносила куколок, играла с нами, надо было говорить по-немецки... Поэтому я немножко знала немецкий язык.

Ильенков нас заставлял переводить с немецкого на русский язык сложные философские тексты. Студенты сразу включались в профессиональную работу. Всё так, но когда я пришла к Асмусу на 5-м курсе и стала работать над вторым томом «Логических исследований», то даже с вполне приличным школьным немецким, попала в полный тупик. Я не знала половины слов! А половины из этой половины не было в словарях... Вот и приходилось через своё незнание пробираться.

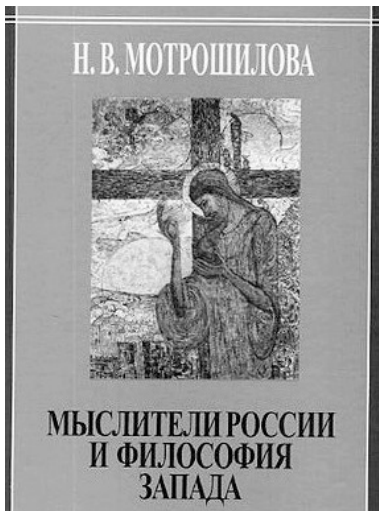
М.В.: *Нелли Васильевна, с Вашей точки зрения, как соотносятся импульсы, идущие от каждой из сторон названной Вами антиномии, в вопросе о взаимодействии философии и науки? Сказались ли на развитии этого взаимодействия официальные призывы к научности, ссылки на К. Маркса и т.д.?*

Н.В.: Конечно. И неслучайно, очень неслучайно. Помимо прочего, был большой интерес к Марксу, к изучению Маркса именно как философа. Маркс был всё, что угодно, но только не слабый философ, что

доказано его работами – в высшей степени профессиональными! Не буду сейчас вдаваться в анализ марксизма, потому что это сложная специальная проблема. Но Мамардашвили взял в свою концепцию немало пунктов из теории «превращённых форм» Маркса! Николай Лапин написал уже упомянутую книгу о молодом Марксе – блестящую книгу! Её до сих пор можно читать без купюр и поправок. Ильенков и Зиновьев работали над «Капиталом» Маркса.

В.С.: Восхождение от абстрактного к конкретному.

Н.В.: Да. Так что та самая антиномия – она и тут действовала. И уже был выбор, понимаете? Настаиваю на том, что уже был выбор. А ведь это 1960-ые гг. Теперь, если надо сказать про 1970-е гг.: сделано было очень много, появились интернациональные работы. Один из фактов: к нам в 1970-е гг. приезжают представители «Гегелевского объединения» из Западной Германии, они нас пригласили опубликовать сборник наших российских работ о немецкой классической философии. Тут опять эпизод, в котором Иовчук будет участвовать.

Дитер Хенрих, глава «Гегелевского объединения», предложил мне издать книгу в немецком издательстве, где в частности публиковался и Ю. Хабермас. Чтобы эту книгу сделать, нужны были работы «более молодых советских философов» (и тогда термин «советских» был

скорее географическим термином – философы из СССР). Книга имела очень хорошую прессу в Германии. Авторы статей удивлялись только одному: почему же «более молодые»? Ведь эти философы тогда уже не были очень молодыми: там были статьи С.С. Аверинцева, П.П. Гайденко, А.Л. Доброхотова, Н.С. Автономовой, то есть лучших наших авторов! Как же это удалось? Нужно ведь было проходить через утверждение в Академии наук, в то время – лично через Иовчука. И тут как раз Т.И. Озерман, он всегда был умным, сказал: «Знаете, Нелли Васильевна, вы напишите, что это молодые авторы, а то и Иовчук к вам присосётся». И я на всю жизнь запомнила и благодарна ему. Хотя я ему за многое благодарна, он ведь был руководителем нашего сектора.

В.С.: Блестящий лектор был по Марксу... по молодому Марксу.

Н.В.: Он и нам преподавал в советские годы. Так вот, появляется эта книга в Германии. Позже приехал в Москву Хабермас, я его встречала в аэропорту. И он меня спрашивает: «Кто такой Эрик Соловьёв, который написал одну из статей в этой книге?» Я отвечаю, что это мой друг и коллега. Хабермас ответил: «Это замечательная статья!» Понимаете? Какой был уровень связи и взаимной помощи! Дитер Хенрих – классик философии – написал предисловие к этой книге. И мы в то время (а это 1970-е!) издали ещё две или три совместные книги *одновременно в Германии и в России*. Вот вам парадоксы 1970-х!

В.С.: Тот же парадокс, что издание немецкой классической философии в 1943 г., на пике Великой Отечественной войны?

Н.В.: Нет. Там всё было сложнее. Хорошо помню, немецкой философии был посвящён один из лучших томов упомянутой Вами «Серой лошади». Но он не лучший в том, что касается собственно немецкой классической философии. Создателям «конкретной истории философии» (есть у меня такой термин), людям очень образованным, – даже им было тяжело. Их тогда настолько контролировали, что сделать полностью качественный

учебник по истории немецкой философии было немыслимо, по сути, невозможно. Но, во всяком случае, из того, что было, – это лучшее. У нас говорили: «серая лошадь» и «красные ослы» (по цвету обложек – прим.): шесть или сколько там «красных ослов» под редакцией Иовчука.

В.С.: Они были скорее коричневыми.

М.В.: Интересный ассоциативный ряд.

Н.В.: В нашей стенгазете, которая была выдающимся событием критического сознания и поведения в нашем институте, даже там их называли «красные ослы»: «серые лошади» – и «красные ослы». Я бы не объявляла бы уж их совсем коричневыми.

В.С.: Это было бы уже политическое обвинение!

Н.В.: Они были по-своему преданными своей стране.

В.С.: А как Вы Быховского оцениваете?

Н.В.: Вот с Быховским есть небольшая история, особая. Человека уже нет, и мне это уже, в общем-то, не очень удобно рассказывать. И всё-таки я расскажу, потому что этот случай довольно яркий. Я защищала диссертацию, которая была посвящена философии Гуссерля и социологии познания. Представляете, какое там специальное сочетание. Требовалось получить у третьей организации отзыв. Мне посоветовали обратиться на кафедру, где работал Б.Э. Быховский – в Плехановку. Получаю проект отзыва, который составлял Быховский, а там, в частности, написано: «Автор диссертации повернут спиной к опыту бригад коммунистического труда».

Я обомлела, говорю своим друзьям: ну это же полный абсурд! А умные люди мне отвечают: Вы подумайте над тем, что у нас в учёном совете такие «кадры», похуже Быховского, сидят. Они к этому придерутся обязательно. Тогда Карпушин – он заведовал этой кафедрой, – удалил эти строчки. Так вот всё переплеталось. А Быховский был очень образованный человек...

В.С.: ...И лауреат Сталинской премии, как раз за «Серую лошадь», третий том.

Н.В.: Я сейчас уже, честно говоря, не помню, что он написал в «Серой лошади», но сказала бы, что, не вдаваясь в анализ всего его творчества, что он мог сделать и хорошее исследование.

М.В.: Нелли Васильевна, я знаю, что вы очень активно принимали участие в семинарах, которые проводились совместно с естественниками на базе МГУ. Моя мама вместе с коллегами и друзьями, биологами и физиками, была среди участников этих семинаров. И я знаю с «той» стороны, со стороны естественников, насколько они жаждали общения с нами, философами. У меня сложилось впечатление, что как раз то, что они слышали от философов, во многом давало пищу для их профессионального роста. Скажем, биофизика, которой занималась моя мама, была тогда совсем молодой дисциплиной. Это сейчас такие исследования резонансны, а тогда многое только начиналось. Очень яркое воспоминание, по рассказам: как они внимательно слушали, когда приходили люди их возраста и вправляли им мозги от той абстрактной чуши, которую навязывала официальная пропаганда, «первая сторона антиномии»! Не могли бы Вы поделиться своими впечатлениями об этом периоде?

Н.В.: Я вам бесконечно благодарна за этот вопрос! Ведь я была – так получилось, – в числе организаторов этого процесса. Притом это всё было переплетено и с партийной работой. Нужно было вести общественную работу. И вдруг меня приглашают не куда-нибудь, а в институт Курчатова, представляете? В Курчатровский институт! Причём просят вести семинар по философии! В то время я уже работала в Институте философии. И когда я туда, в Курчатровский институт, пришла, то услышала физиков; они говорят: пожалуйста, не давайте параллель физики (то есть не надо философии физики), а «восстановите перпендикуляр». Это было потрясающе. Я не общалась с теми людьми до недавнего времени (с одним из них мы были лауреатами премии Фонда им. А. фон Гумбольдта). Приглашала к ним

лучших наших философов, – и не только философов. Говорили мы о той же феноменологии (моя специальность), об экзистенциализме (тоже моя специальность).

И тогда мы с моим будущим мужем, социологом и историком мысли Ю. Замошкиным, уже дружили. Он рассказывал физикам о Фрейде, понимаете? Всё, что можно в то время было рассказать про фрейдистскую философию! Я сама рассказывала им в основном об экзистенциализме, потому что он тогда был уже в большой моде, у нас много писали об этом. Так я семинар этот и вела наверное 2-3 года или больше, при этом ещё получала приглашения читать лекции из разных институтов: физической химии, химической физики... Слушали замечательно! Спрашивали очень много!

Потом, немного позже, я выступала в театрах. В частности, выступала в «Современнике»: мы тогда очень подружались с Виталием Вульфом, который работал у моего мужа, и другими актёрами. Олег Табаков, – недавно умер, и это глубокая рана... И вот, сидит там и Олег Табаков, и другие. И я рассказываю про экзистенциализм, говорю: вы, наверное, читали кого-то из экзистенциалистов. А Табаков говорит, показывая на своих товарищей: «Они-то читали, а я – нет». Хотя всё было совсем наоборот!.. Хотели слушать всё это, философское, и обсуждать... Одним

словом, такая была среда, такой был интерес к философии – и у естественников, и у математиков, и у артистов.

В.С.: Ну, ядерщики вообще ближе всех к экзистенциальным проблемам – в самой глубине!

Н.В.: Вот очень точная формулировка – «восстановите перпендикуляр, не надо параллелей»: я не занималась философией физики, я занималась западной философией, это была тогда моя специализация. Вспоминаю это время как очень творческое. В обществе – запрос на высокую теоретическую культуру: в «Вопросах философии» то с физиками наши разговаривают, то с писателями, то с Лихачёвым – и он философией занимается! Самое интересное – интересуются, читают! Сейчас это абсолютно искоренено и исчезло. Что очень страшно. Я недавно посмотрела на канале «Ностальгия» особый вечер. Пел Булат Окуджава. Народу немислимое количество! И какие лица, какие люди! И когда он пел: «Возьмемся за руки, друзья, чтоб не пропасть по одиночке», – это было самое главное. Где сейчас это? Я не вижу...

М.В.: Меня как-то спросил один аспирант на семинаре – это уже довольно давно было, много лет назад: а где все? И тогда я подумала, что он есть, этот запрос, и сейчас, и есть не у единиц. Наверное, где-то произошло рассогласование. Не могу понять, где.

Н.В.: Должна Вам сказать, что я очень высокого мнения о том, как сегодня работают философы. Вот в нашем институте – я как раз сегодня получила отчёт – 1000 с лишним статей, причём все эти работы достаточно специальные, профессиональные, не болтовня какая-нибудь. Серьёзные тексты, опирающиеся на традиции. Так писали, а сегодня пишут и наши учителя, и наши коллеги, и наши ученики. Теперь обращаясь к вашему институту, хочу сказать о той теме, которую уже затронула – о поколениях. Я сама участвовала в одной книжке под редакцией А.В. Шестопала, которая была посвящена теме «МГИМО: лица и поколения». Отрадно, что у вас и среди философов, и среди нефилософов есть слой специалистов,

которые этой темой занимались и занимаются; многое было накоплено, многое уже опубликовано.

Почему же это так плохо востребовано извне? Есть много причин – общая прагматизация, появление среди тех, кто управляет наукой и культурой, абсолютно непрофессиональных и даже вредных людей, а они ведь решают коренные вопросы нашего бытия! Вот судьба моей последней книги, в ней 600 с лишним страниц, она содержит исследование по раннему Гуссерлю. Прежде это было сплошное белое пятно в истории философии. И книга оказалась бестселлером по non-fiction!, работа абсолютно новаторская. Так вот, книги сейчас «не учитываются» в отчётах – можете себе представить? Статью в журнале опубликую – если она попадет в Web of Science, то учитывается в отчёте, а книга – не считается.

М.В.: Нелли Васильевна, я знаю, что Вы специально занимались вопросом этой безумной наукометрии, которая активно размножается и вытесняет собой реально значимые показатели научного авторитета. Вы об этом очень резко и точно написали в своей статье...

Н.В.: Это даже цикл статей! Причём, что важно отметить: я же занималась социологией познания, науки. Была лично знакома с Робертом Мертоном, он присылал мне свои новые публикации. Когда я взялась за эту тему, то дала себе труд поработать с материалами Web of Science (платформой, выросшей как раз из школы Мертона, из усилий его ученика Г. Гарфинкеля). Взяла список журналов по философии, на основе которых ведётся подсчёт этой базы данных. Всё просмотрела, провела большое количество конкретных исследований и два вывода сделала, думаю, совершенно обоснованно. Во-первых, эта систем американизированная, то есть опирается на американские журналы. Скажем, у нас есть замечательные востоковеды, которые публикуются в Японии, Китае, Индии... А в Web of Science реферируются только те журналы по востоковедческой проблематике, которые выходят в США!

Соответственно, результативность подсчитывается не по мировым, а по американским стандартам. То есть наши философы-востоковеды (М.Т. Степанянц и другие – классики, награждённые орденами этих стран) не фигурируют в этих рейтингах вообще! Если, например, кто-то ссылается на западные журналы, это американизированными базами данных не учитывается вообще. Сказанное касается не только нас. Во-вторых, я прочесала всё, что касается философских журналов. Вы не представляете себе, какие там фигурируют журналы! У нас никто не знает, и нас они не знают. Но их когда-то включили в эту систему. То же самое Scopus. Какой отсюда вывод? *Это – дискриминационная система в отношении целого ряда философских стран, и не только России.* На Западе это, например, Финляндия, и ряд других стран, – я об этом подробно писала. Потому что из их журналов учитываются только те, которые связаны с официозными системами. Главный центр этой системы – США и Голландия, потому что там издательские базы.

М.В.: Что-то с этим сделать можно?

Н.В.: Абсолютно ничего, пока это принято и у нас, как правительственная, государственная система. А это принято. Нами управляло ФАНО – Федеральное агентство научных организаций, которое нас бомбардировало инструкциями: мы живём по их инструкциям, нам платят по их инструкциям. Они нашу академическую философию сделали, во-первых, нищей, во-вторых, «рейтингуемой» по совершенно неблагоприятным для нас источникам.

М.В.: В связи со сказанным: у нас, как у всех, есть проблемы с осознанием премудростей наукометрии, но мы немного в лучших условиях – нам в этом году в замеры вернули слово «монография». Теперь «ценятся» не только статья в Web of Science и Scopus, но и монографии.

Если говорить о стратегии нашей кафедры, она остаётся преобладающей по отношению к старшим поколе-

ниям преподавателей нашей кафедры. Вы знаете, что многие годы учащиеся МГИМО занимаются по книге, изданной под Вашей редакцией, четырёхтомнику «История философии: Запад – Россия – Восток». Конечно, часов для погружения в глубины у нас не так много, на некоторых факультетах – всего 8; но, по крайней мере, ребята знакомятся с философией не на основе чьей-то отсебятины, а через отсылку к текстам, причём в определённой исторической динамике. Правда, иногда раздаются отдельные голоса: зачем нам эта обветшалая история, и вообще хорошо бы в Интернете с философией знакомиться, а не аудиторные часы на это тратить. Ну, если так, – зачем тогда вообще вуз? Следуя такой логике и другие предметы – языки, экономику и политологию тогда тоже можно в Интернете «поучить»... Как Вы считаете, на фоне тотального сокращения часов – стоит ли пытаться отстаивать историко-философский подход?

Н.В.: Спасибо за этот вопрос. Вообще, я так вам благодарна за ваши вопросы! Если я и хотела о чём-то говорить – то это как раз о том, о чём вы меня спрашиваете.

Теперь насчёт учебника: у нас, и не только у нас, он включен в число обязательных источников по истории философии. Конечно, здесь я человек заинтересованный, поскольку я не просто ответственный редактор, но и автор – два с половиной тома из четырёх написала сама. Что же наши подсчитывающие инстанции сегодня делают? У них есть одна мысль: надо предотвратить жульничество! Это актуальный вопрос – совсем недавно опубликована книга Ю.М. Резника, где описаны сложившиеся в некоторых провинциальных учебных заведениях кластеры, когда люди ссылаются друг на друга, заводят специальные журналы и так далее. По РИНЦ (Российский индекс научного цитирования – прим.) и по другим данным они выходят на первые места в философии, хотя их имён ни один из философов не знает! Но поскольку они ссылаются друг на друга, у них там уже

сложилась своя компашка, и с индексами всё хорошо.

О РИНЦ у меня тоже есть работы. Анализировала эту систему, тоже осталась очень недовольна, потому что в то время, когда я об этом писала, каких только «философских» журналов не было в их списке! «Вестник туризма», например; или журнал по ветеринарной психопатологии... Я очень уважаю туризм, но при чём тут философия – не знаю. Хочу заметить, интересная есть вещь: в РИНЦ имеется «свой» список индекса Хирша, на первых местах там П.П. Гайденко, у меня тоже неплохие показатели по нему, больше 30, это считается совсем неплохой цифрой. Там же и Стёпин, Гусейнов – прекрасные наши академики и исследователи. То есть получается, что даже в этой системе, несмотря на все жульничества, сохраняется определённый уровень добросовестности.

Так что, говоря о сегодняшнем состоянии нашей дисциплины, не стоит терять оптимизма. Сама эта проблематика наукометрии – сложная. То, что книги не включают – идиотство, абсурд. «Мусорные журналы» – тоже абсурд. Но всё равно то, что должно пробиться, пробивается.

Теперь конкретно об учебнике «История философии: Запад – Россия – Восток». Этот учебник у нас в институте во всех списках по истории философии для аспирантуры значится на первом месте. Не только потому, что я ответственный редактор: на момент, когда учебник писался, мне удалось собрать авторов – историков философии, – которые без дураков знали тот предмет, о котором писали. И ещё одно обстоятельство – сама я писала свои разделы, сидя в библиотеке Кёльнского университета. Это была большая квадратная комната, по периметру которой стояли учебники по истории философии. Потом я как-то спросила у Хабермаса: «Как вы оцениваете что-то новое в философии – где это искать?» Он сказал: «Очень просто: есть система *Festschrift*» – это значит, издание в честь чьего-либо юбилея. Сидя там, в Кёльне в библиотеке, я прочитывала учебники по истории философии, которые есть в раз-

ных странах (а я работаю на трёх языках, английском, немецком и французском). Потом это использовала – не всё, конечно; не на всё я могла сослаться. Но всё-таки, надеюсь, что, написав два с половиной тома, я смогла что-то существенное ухватить в новой историко-философской области. Плюс – пригласила к участию и других людей, который являются светилами в своих областях. И, в общем, думаю, что мы своё дело сделали. Другой вопрос, что, может быть, нужно сейчас это снова осмыслить и дополнить.

Кстати, нечто к вопросу о подсчётах: в мои показатели не включается то, что я сама написала два с половиной тома, а «включается» моё исключение из этого списка, – потому что предполагается, что любой ответственный редактор – это жулик, который, не глядя, подписывает чужие материалы. У них такое представление, и их политика во многом связаны с разными подозрениями. У ФАНО было такое подозрение: что делают учёные? Они сидят и думают, как бы им обмануть государство и читателей. Так же они относятся к ответственным редакторам учебников, что, конечно, несправедливо. Уж если я написала два с половиной тома, то я и автор, и именно ответственный редактор. А мне очков за это не прибавляют.

Но что меня в данном случае очень радует, так это три вещи. Первая связана с нашим Институтом: я знаю, что когда

наши аспиранты – в том числе мои – готовятся к экзамену по истории философии, они как раз изучают её по нашей «Истории философии». Второе: в МГИМО принят этот учебник, его изучают; меня это тоже очень поддерживает. Знаю, что так же поступают и в некоторых других вузах. Теперь третье – про то, стоит ли вообще всё это изучать... Можно, конечно, отправить философию и культуру на свалку истории. Боюсь, такие тенденции время от времени будут пробиваться, и даже укрепляться.

Я придерживаюсь общего мнения, что для философии сегодня наступили плохие времена. И для истории философии, безусловно, тоже. Вижу, что происходит не только у нас, но и в мире – например, в Германии и Америке, поскольку время от времени пишу для изданий этих стран. Однако есть и положительные примеры. Допустим, в университете Северной Каролины, где Марина Быкова, редактор журнала «Russian Studies in Philosophy», читает курс European Philosophy, нет необходимости всем учёным и преподавателям ссылаться на издания базы Web of Science. Знаете, когда это принимают во внимание? Когда идёт соревнование проектов: наличие учёного в базах научного цитирования – *дополнительный*, но сугубо *дополнительный*, фактор для получения грантов.

Кстати, в своих работах по поводу всех этих систем цитирования я показала: самое плохое, что идёт от них, касается молодых философов. Они не могут «пробиться», пока их не цитируют, – что естественно, ибо они ведь сравнительно недавно пришли, например, в философию; а не цитируют их потому, что их работ нет в рейтинговых изданиях. Получается замкнутый круг. С другой стороны, разве задача науки не состоит в том, чтобы подхватить всё новое и ценное от прежде неизвестных людей? Наука этим живет!.. Живёт по модели, совершенно перпендикулярной навязываемой рейтинговой системе. То есть, она эту систему не исключает полностью, но и не нуждается в ней.

На прощанье хочу сказать: у меня особое отношение к МГИМО. Не в по-

следнюю очередь (а может и в первую) это связано с тем, что этот институт закончил мой горячо любимый муж и, как я считаю, один из выдающихся людей нашей науки и культуры – Юрий Замошкин. Когда мы говорим о гуманитарных дисциплинах советского времени, то одним из самых важных явлений было тогда оформление социологии в качестве самостоятельной дисциплины. Как все эти ивовчуки и прочие боролись против социологии! И против нашего института, против Левады-старшего; против петербуржцев – например, Ядова. А в МГИМО ведь социологи тоже были на философ-

ской кафедре, именно она развивала это направление. Среди тех, кто «поднимал» социологию, – Алексей Викторович Шестопал, бывший аспирант моего мужа и большой друг нашей семьи. Это тоже очень важная тема – наши ученики. Из чего всё вырастает? Из того, что есть какая-то преемственность поколений. А вот когда её нет, тогда пиши пропало.

М.В.: *Нелли Васильевна, мы Вам очень признательны, Вы очень вдохновили нас и, надеюсь, наших читателей!*

Н.В.: Благодарю за возможность дать это интервью.

THE MAIN THING IN PHILOSOPHY IS PROFESSIONALISM

An interview with Nelli Vasilievna Motroshilova (N.M.), Doctor of Political Science, Professor, Chief Research Fellow of the Department of History of Western Philosophy, The Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. Interviewed by Professor M.V. Silantieva (M.S.) and Professor V.S. Glagolev (V.G.).

V.G.: *For a start, I'd like to ask about your attitude to what is happening with our philosophical heritage, first of all, concerning the legacy of the so-called "Soviet period" (especially after 1956 and until about 1968). As for me, that was a very meaningful time for science and philosophy regarding the expansion of research fields and diving into the issues previously "closed", and, of course, a high degree of information transparency.*

N.M.: I advocate such an approach. It will suffice to mention plenty of interest-

ing professional philosophers of that time! Unfortunately some of them are if not completely then half-forgotten, and it's an emotional experience for me. I've got a personal reason to return their names to the history of Russian philosophy. And another reason is concerned with stereotypes of that period of philosophy. I worked on various projects to overcome them and one of them was for the journal "Russian Studies in Philosophy" published in America by Professor Marina Bykova, who is a very good researcher of German classical philosophy.

And the first thing I had to deal with was to refute the stereotype of the words “Soviet philosophy”. In some of my works which have already been published I proved that the “Soviet” was not philosophy at all. And philosophy itself had an indirect, mostly critical, attitude to the “Soviet”. M.K. Mamardashvili, an eminent philosopher of that time, expressed one of his critical ideas in a certain way: “Frustration of Soviet power in a Soviet country”. The most important thing is characterized in the most accurate way.

V.G.: Diagnosis!

N.M.: The struggle against the stereotype “Soviet philosophy” is not just mine, and it finds more and more supporters, in the West as well. For example, recent studies by the Italian philosopher Daniela Steila confirmed the need to lay the stamp “Soviet philosophy” aside. There are many research centers of Russian philosophy in the world but they face hard times. So, Daniela Steila confirms: in the West they used to think that in Soviet times our philosophy was completely dogmatic, but now most of Western researchers have to revise their views. In the West, it has already become clear to serious researchers of Russian philosophical thought that during the Soviet era philosophy was very deep, with much progress, and it should be studied seriously now. Daniela herself investigates the philosophy of E.V. Ilyenkov and A.A. Zinoviev deeply.

I advocate this view (for more details see my book “The Patriotic Philosophy of the 1950’s – 1980’s of the 20th Century and Western Thought”). So it turns out that there is enough material, but due to the stereotypes we have to prove obvious things. Therefore, I have been working for long and I am still working now to confirm a conclusion of a solid research base of philosophy in Russia of that years and its connection with classical Russian philosophy.

V.G.: I will support you in the following way: the roots of its depth might be counted from 1943, when the third volume of the “Gray Horse” appeared (the so called three-volume “History of Philosophy in the “folklore” of the Faculty of Philosophy of the Moscow State University named after M.V. Lomonosov, released in 1941-1943 –

note), presenting German classical philosophy. This happened shortly after Stalin-grad, Orel, Belgorod. When the first salute boomed, a volume dedicated to German classical philosophy was published. As for the philosophical texts interpretation in the textbooks of those times edited by Mitin, Yudin, Rosenthal, and then you can go forward up to Konstantinov inclusive – that’s their creative philosophical content accumulation.

N.M.: Do you agree that the latter is not philosophy at all?

V.G.: I agree that was official interpretation, and as a surrogate food it was offered to the majority of the population and to our departments who taught philosophy as well.

N.M.: I agree, but with a number of strong amendments. The most important is that that period was characterized by a kind of antinomy. On the one hand there was the official, directed toward philosophy, but actually against philosophy, despite operating in its sphere – something philosophical was being regulated, inspected, and tested. This is one side of the antinomy. And there were several points reflecting all that (to the extent that one could defend his thesis just by referring to the next decision of the plenum of the Central Committee of the CPSU).

There was a ridiculous (but a real) case: a person defended his thesis on humanitarian discipline and referred to resolutions of the plenum of the Central Committee of the CPSU as demanded. And a quirky reader of the thesis attending the defense, raised his hand and said timidly: “On the page you refer, it is about the decisions of the plenum regarding the cattle breeding...”. So everything alike related to the first side of the antinomy. In my book titled “The Patriotic Philosophy of the 1950’s – 1980’s of the XX Century and the Western Thought” I described the system of the “Soviet” supervision of philosophy in more detail. For example, about the nomination of Stalin’s academicians, when Stalin called Mitin, Konstantinov and Yudin to himself and said: “Comrades would you like to become academicians?” And then one of them “agreed” to become a corresponding member, and the other two “generously”

agreed to be academics. And it happened at once in Stalin's private office, without any elections.

The second side of the antinomy is related to the problem we are talking about. The issue of a scrupulous, professional history of philosophy came up closer to the 1950's. I studied at the university that time (in MSU named after M.V. Lomonosov – note). Being a witness I can describe many aspects of the way philosophy existed and developed during that period. For example, we had a teachers' cohort acting within the first side of the antinomy. The most "brilliant", in quotes of course, was the department of history of Russian philosophy, the most disgusting, the most shameless! From the very beginning it was full of ignorant dogmatists. But with time new people appeared: we were taught by G.S. Arefieva, V.N. Burlak, by graduate students such as Yu. F. Karjakin and many others. Everything changed there, and even more so at other departments!

V.F. Amus was my research advisor. The title was "The second volume of Husserl's Logical Investigations". Imagine this in 1955-1956! Fortunately, we were taught by such professional philosophers as E.V. Ilyenkov, M.F. Ovsyannikov, and a number of other teachers from the Department of History of Philosophy. T.I. Oizerman was the head of the department. In a word, we were lucky: we were taught by professional historians of philosophy; and it naturally happened that the older generation (Asmus) of that then young people who came from the war (Ilyenkov, Zinoviev) united with the young generation. And there it is – in the book I mention by name those who engaged professionally in the history of Western philosophy in 1950-1980's and who were the pick of philosophy of the Soviet period.

M.S.: If I may, I've got a question somewhat divorced from the historical canvas. To what extent is it possible to change for a person following the path of search for truth? I mean – the philosophers you have just named, didn't come out of the blue. Of course, V.F. Asmus is a key figure here; the same is about of A.F. Losev, who wrote (it seems, in the "Pioneer" magazine): "Truth

can speak any language, even the language of Marxism".

N.M.: The case is more complicated with Marxism. This is an interesting story, but it should be discussed separately. The fact is that the best new philosophers, M.K. Mamardashvili, N.I. Lapin and others covered the philosophy of Marxism in a new way. For example, Lapin published a book "Young Marx" translated in different countries. I would say that the general picture is as follows: all the best emerging in the philosophy of 1950's, 1960's, 1970's, and 1980's emerged around the search for philosophical truth. Therefore it was differently understood. The most important is that even at that time interaction, communication of creative forces in the field of philosophy played a crucial role. That's why I proceed with a variant of communicative sociology of knowledge, applied to the philosophy of knowledge, which was once proposed by me. Communicative in the sense that dominant names in philosophy are not polarized units, but they are professional communities.

V.G.: ... cooperation?

N.M.: That was not just cooperation! **Philosophical schools** emerged in 1960's – 1970's all over the country. By the way, there is a specific study on this subject titled "New Philosophical Encyclopedia" (the article by V.A. Lektorsky and co-authors). It tells about philosophical schools emerging in those years. And they developed not only in Moscow, but in Leningrad, Novosibirsk, Rostov-on-Don, and Saratov as well. There were national schools almost in every republic. Just remember what a strong, living philosophy there was in Ukraine! Those schools included very famous people. There were logicians, historians of philosophy among them. They were also concentrated at universities and in the Republican Academies of Sciences.

V.G.: For the sake of historical truth I would like to mention two names from the Department of Russian Philosophy of the Faculty of Philosophy, Moscow State University. The first name is the curator of my group P.S. Shkurinov, MSU positivist schools researcher (imperial-era). He had a very interesting publication about

the views of Vladimir Ivanovich Taneyev, the brother of the famous composer. Everything is in the manuscript. Nevertheless those ideas had an impact on the "warm circle" of likeminded people and students.

The second name I would like to mention is I. Ya. Schipanov, distinguished for his working efficiency. He was summarizing throughout the day and the night, and if it was necessary to speak to him not in the order of "realization" of the regular governmental rules (as it is called), but relating to the content, his tremendous knowledge of the texts of Russian philosophy became obvious.

N.M.: Those who were named are not my heroes, quite the opposite. As for Shchipanov, I was one of the affected. I was among the students opposing the way of teaching Russian philosophy which was practiced then, and at the department of Schipanov as well. Later I read Shkurinov's works, but that was not my area. I'm sorry; I can say something opposite to your attitude. As a matter of fact, I did not read their works carefully. We liked new teachers appearing at the department. But the lectures of the teachers you named were dogmatic, boring, and illiterate, and that was not just my point of view; that was a common opinion among the students community which was close to me. (Perhaps you might know something else about those teachers). So I was accustomed to the faculty youth who used to protest against the dogmatic and illiterate style of teaching Russian philosophy. For example, they anathematized classical Russian philosophy of the imperial-era unanimously.

And when young Arefieva came to our group and began to check the list, she asked: "Are you Motroshilova? We know about you because Shchipanov pronounces your name with a small letter: "those mortoshilovs". So everybody has his own memoirs. But I should say that I am not a great expert in the writings of these philosophers, if we can even call them so (I am not an expert on Shchipanov or Shkurinov).

M.S.: *God be thanked!..*

N.M.: My teachers were different. But I advocate the possibility for all of us to share

memories.

V.G.: *A small detail – I suppose you worked with Iovchuk meant to be academician...*

N.M.: In other words, Iovchuk worked against us from the beginning of our student days and shortly after that.

V.G.: *He was a professor in my student days. In 1959 he gave lectures to our course on the theme "Development of dialectical and historical materialism in the documents of the XXI Congress of the Communist Party of the Soviet Union". As I understood, that congress developed dialectical materialism in six directions, while the historical materialism was developed in eight.*

N.M.: Well, as for Iovchuk, I've got subjective memoirs and there is no way around it...

V.G.: *It is what it is...*

N.M.: When I grew to the age when our generation was nominated for academics, he was a grave figure in the Academy of Sciences. I was also nominated. Iovchuk said somewhere: "Motroshilova – I'd die first!" So later on he died. But it was too late for me to run for the Academy. That was a special experience, for sure. However, I am quite sure that a broad picture should be composed of a different experience. If we go back to the Faculty of Philosophy, the most important thing we can say about the philosophy of that period is that there was a division then. Moreover, the division among the young people was quite martial. As you see, the head of the department Shchipanov took an interest in a struggle with me being a student. The fact is that they did us harm then and even afterwards, because we were opposed to the way that Russian philosophy was portrayed in their lectures and their writings. And by the way, I do not know your opinion of Shchipanov, but he seemed absolutely illiterate to me.

V.G.: *He was the one who knew the texts...*

M.S.: *... and who could summarize, which is an important skill for a lecturer.*

N.M.: Summarizing?! And what did his lectures look like? The fact is that I had to listen to his lectures and pass the exams.

And they could not give me even a “four”; I worked hard, but I did not repeat their formulas on the exams.

V.G.: *By the way, it portrays them in a sympathetic light...*

N.M.: Does it? No, it rather says that Schipanov was not the only one at the exam. We were examined by Arefieva, Burlak and someone of their Ph.D. students. And by that time they had brilliant Ph.D. students at the department! So the struggle was everywhere. And by that time I had already a particular point concerning Russian philosophy: I had already begun to study the history of Russian philosophy of the imperial-era, which remained the subject of my studies afterwards. During my years in philosophy, I accumulated special studies, including the works published abroad (dedicated to S.L. Frank, G.G. Shpet and other Russian philosophers). Just look – what is this? What do you think? This is the first volume of the current collected edition of Frank. This is a brilliant book, it’s really brilliant!

V.G.: *Did you have the occasion to communicate with G.E. Alyaev, Ukrainian philosopher studying Frank?*

N.M.: No, I didn’t. And now there is a research dummy of Frank philosophy prepared at St. Tikhon’s Institute. The volume is outstanding for its historical and philosophical qualification and its founding. I was invited to Germany to participate in the first volume of the German set of Frank’s works (I wrote some texts for the volume relating to one of Frank’s works, namely, to the “Subject of Knowledge”).

In the Russian philosophical abroad there was a challenging situation as well. After the revolution there were many philosophers who did not want to leave Russia and just a part of them opposed the Soviet power in fact. Everything was complicated, really complicated. And due to its complexity there is much to investigate in this story! And I hate Schipanov’s chair for throwing away of Russian philosophical traditions. Due to their efforts the study of history of philosophy in Russia was crossed out for a long period of time. Historical memory began to recover much later, for example, when the journal

“Philosophy issues” started publishing the series “Thinkers of Russia”.

M.S.: *Getting back to philosophy, not to the faculty, but to the philosophy as an institution. In those difficult years there was, nevertheless, a demand for philosophy including the regional one. Philosophy (just philosophy, not ideology) was a very narrow channel of food but still it was, and it allowed people to grow intellectually.*

N.M.: Studies of that period of philosophy development demonstrate its key feature. In a few words I will try to express it. If we mentally go for a walk through philosophical institutions of Moscow of that time what will we see? We’ll see an intensive development of philosophy searching for the truth, researching focal issues of the history of philosophy, logic, and ethics, even of the so called “historical materialism”; scientific schools emerging. Bakhtin, historians of philosophy and new philosophers of that time, such as Mamardashvili and Zinoviev, worked as well. They began to work on the basis of philosophical principles of research, analysis, and specialization. And that research developed the best way within even non-institutional structures. However, philosophical faculties developed creatively, and our Institute (RAS Institute of Philosophy – note) was in a good condition then. The same people continue working now; I mean those who are still alive.

By that time, the work was made up from the activities of small communities: someone worked with Bakhtin, someone with Ilyenkov, someone with Mamardashvili... Then new generations came. By the way, almost all philosophical specializations – the history of philosophy, logic, ethics, social philosophy, philosophy of knowledge – have their cells which can work and reach the official level just because the RAS Institute of Philosophy fulfills the plan. The Faculty of Philosophy of Moscow State University fulfills its plan as well. And MGIMO also fulfills its plan, including, in philosophy. Moreover, there are wonderful books produced by your department, for example, on the topic of generations, and philosophy as well. From this perspective we should consider “communicative sociology

of knowledge” which I used to develop and I’m still developing.

By the way, I ferreted out one thing... You see, I like the specifics, the details. I know that many people are tired of it, but I am not. So I studied everything: who, where, when and to what communities belonged, what was read and what was written by philosophers. Then I took various philosophical reference books and traced who and when came to the capital (Moscow, Leningrad) and stayed there. Do you know the way it turned out? *Only 3% of people who became ingrained in philosophy after the war were from Moscow or large cities. All the rest were born in other cities and villages and came to the capital.*

It belongs to the first side of the antinomy. I graduated from a very good Moscow school: my generation studied under old teachers, half of them had a solid prerevolutionary education (for example, our brilliant school mathematician and a little bit funny, but a well-trained litterateur). We had never had at school things we have today. There were very few illiterate people then. Now there are very few literate ones. My school number 639, by the way, still exists. I am not from Moscow. I was born in the family of the school principal, who learned German and knew it perfectly. And when he was 29 he died at the front. Before that we moved to Moscow, where he was a teacher at the Military Academy.

I went to school in Moscow. And in 1951 I entered the Faculty of Philosophy, and the Dean of the Faculty A.P. Gagarin made a hospitable speech then. He spoke in such a manner that I was simply taken aback. I could hardly understand the way such an uneducated, illiterate person appeared at the University... And I thought: “Where did I get?!”

V.G.: May I add my testimony? It was in 1955; the first introductory lecture was read by V.S. Molodtsov, the dean of the Faculty of Philosophy. He took “Dialectical materialism” out of his portfolio, opened it on the page of “Introduction” and following the line with his finger, he read a lecture for an hour and a half. I was shocked despite I came from the province, from the village in Tula region.

N.M.: Now I’d like to say about the other side of the antinomy, about the guys who came to enter the Moscow State University! V.A. Lecktorskiy, P.P. Gaidenko entered the previous courses; E.Yu. Solovyov studied after me, he came from Nizhny Tagil, and his father was repressed. But what a perfect education! You can ask me “why”? At that time there were many outstanding scientists, teachers, etc. among the evacuees coming to Nizhny Tagil. And they took tutorship of the most capable pupils. So, that was a high traditional level of the classical gymnasium education of the Czarist-era and it influenced us through our teachers. It was a different education. None of my current students, even the most gifted of them, can write an intelligent text. They are all victims of the unified national exam. But the guys who came were educated in Moscow, St. Petersburg, Kiev soon after the war and they formed the basis of a generation creative in science and philosophy. Mamardashvili was born in Gori, if I’m right, and he came to Moscow and became a master of thoughts on the faculty being a second or a third year student! And there were so many students alike. We were the freshers and we attended different groups, seminars and lectures.

By the way, Asmus did not teach us, it was me who attended his lectures, and then I began to write a paper about the second volume of “Logical Studies” by E. Husserl. When I came to ask him to be my research advisor, he fell silent for five minutes, and I thought that he would kick me away with my topic! But he said suddenly: “Do you know how many years I have been waiting for someone to come and ask me to be a research advisor?” He had a very good knowledge of Husserl and phenomenology.

That was the way generations united. At the same time, the first side of the antinomy, the “anti-philosophical” one, had an effect for a long time. And now we know well what it is. Sorry, but I qualify the teachers named by Glagolev in such a way. In any case, we had teachers to learn from. Ilyenkov was my main teacher. Once he came to our group and said: “And what about your German language?” In my Moscow school, the teacher of German

was a native speaker. She brought pupae and played with us; we had to speak German ... That's why I knew German a little bit.

Ilyenkov forced us to translate complex philosophical texts from German into Russian and the students involved in professional work immediately. However when I came to Asmus on the 5th year and started working on the second volume of "Logical Studies", I was at a loss even with a good command of German. I did not know a half of the words! And the other half was not available even in the dictionaries... So I had to thread the way through my ignorance.

M.S.: *Nelli Vasilievna, what is your opinion about the way the impulses from each side of the antinomy relate to each other concerning the interaction between philosophy and science? Did the official calls for science, references to Karl Marx, etc., have an effect on the development of their interaction?*

N.M.: Yes, of course. And this is not by accident. Among other things, there was a great interest to Marx, to the studies of Marx precisely as a philosopher. No matter what you say, but Marx is not a weak philosopher, as evidenced by his works, which are remarkably professional! Without getting into specifics as it's a special problem, but Mamardashvili took into his concept some points from Marx theory of "modified forms"! Nikolai Lapin wrote a book mentioned previously about the young Marx. It's a brilliant book! We can still read it without cuts and corrections. Ilyenkov and Zinoviev worked on Marx's "Capital".

V.G.: *The ascent from the abstract to the concrete...*

N.M.: Yes. This is about the mentioned antinomy. But there was a choice already, do you understand? I insist, that there was a choice! And those were the days of 1960's! As of 1970's, much was done then and international works appeared. One of the facts: in the 1970's representatives of the Hegelian Association came from West Germany and they invited us to publish a collection of our Russian works on German classical philosophy. And there was an episode with Iovchuk's participation.

Dieter Henrich, the head of the Hegelian Association, encouraged me to publish a book in a German publishing house, the same where J. Habermas was published. But we needed the works of "younger Soviet philosophers" to make that book (and then the term "Soviet" was more geographical meaning philosophers from the USSR). The book had a very good press in Germany. The authors were surprised just by one detail: what did "younger" mean? In fact, they were no longer very young: in the book there were articles written by the best authors: S.S. Averintseva, P.P. Gaidenko, A.L. Dobrokhotova, N.S. Autonomous. How did it happen? After all, it was necessary to be approved by the Academy of Sciences, at that time – by Iovchuk. And then T.I. Ozerman, who used to be clever, said: "You know, Nelli Vasilyevna, you'd better write that these are young authors, or else Iovchuk will 'stick to you'". So I remember this and I am grateful to him. I am grateful to him as the head of our sector for many things.

V.G.: *He was a brilliant lecturer on Marx... on young Marx.*

N.M.: He taught us in the Soviet years as well. So, back to the book... It appeared in Germany. Later Habermas visited Moscow and I met him at the airport. And he asked me: "Who is Erik Solovyov, who wrote one of the articles in the book?" I answered that he was my friend and colleague. Habermas said that the article was brilliant! Just imagine the level of communication and mutual assistance! Dieter Henrich, who is a classic of philosophy, wrote the preface to this book. So in the 1970's we published another two or three joint books *simultaneously in Germany and in Russia*. That's about the paradoxes of the 1970's!

V.G.: *Is this the same paradox as German classical philosophy publication in 1943, at the height of fighting?*

N.M.: No, it was more complicated. As I remember, one of the best volumes of the "Gray Horse", already mentioned by you, was devoted to German philosophy. But it was not the best concerning proper German classical philosophy. It was difficult even for creators of the "concrete history of philoso-

phy" (I've got such a term), who were well educated people. But they were so controlled that it was unthinkable to make a completely high-quality textbook on the history of German philosophy. Anyway it was the best of that time. We used to say: "gray horse" and "red donkeys" (according to the color of the covers – note): six or so "red donkeys" edited by Iovchuk.

V.G.: *They were more like brown.*

M.S.: *It's an interesting associative array...*

N.M.: They were called "red donkeys" even in our wall newspaper which was an outstanding event of critical consciousness and behavior in our Institute: "gray horses" and "red donkeys". So I would not declare them entirely brown.

V.G.: *That's a political accusation!*

N.M.: They were devoted to their country in their own way.

V.G.: *And how do you gauge Bykhovsky?*

N.M.: There is a small story about Bykhovsky, a special one. He is in heaven and it is not convenient for me to tell it. Anyway I will, because it's a bright story. When I defended my thesis, devoted to the philosophy of Husserl and the sociology of knowledge, it was required to get a report from a third organization and I was referred to Plekhanov University, to the department where B.E. Bykhovsky worked. So in a draft report signed by Bykhovsky, it was written: "The author of the thesis turned his back on the experience of the brigades of the communist labor".

I was stupefied and I told my friends about its absurdity! Some smart people answered: "Imagine such a community in our academic council, who are even worse than Bykhovsky, and they will fault it for sure". Then Karpushin who was the head of the department deleted those lines. So everything is intertwined. And Bykhovsky was a very educated person...

V.G.: *And he was the winner of the Stalin Prize, just for the third volume of the "Gray Horse".*

N.M.: Frankly speaking, I don't remember now what he wrote in the "Gray Horse, but in a general context he could do a good research.

M.S.: *Nelli Vasilievna, I know about your active participation in the seminars held jointly with natural scientists on the base of MSU. My mother together with her colleagues and friends biologists and physicists was among the participants of those seminars. And from the side of natural scientists I know how much they were eager to communicate with philosophers. I even think that communication with philosophers provided food for their professional growth. For example, my mother was engaged in biophysics, and it was a very young discipline then. Even now the studies alike are resonant, and that time they were brand new. And I've got a vivid memory based on her stories how they listened attentively to the people of their age who came and whipped them into shape removing the abstract nonsense imposed by official propaganda, "the first side of the antinomy"! Could you share your impressions about that period?*

N.M.: I am endlessly thankful for this question! I happened to be among the organizers of that process. Moreover, it was infused with political work. It was necessary to conduct social work. And suddenly I was invited to the Kurchatov Institute, can you imagine? Kurchatov Institute! And they asked to conduct classes in philosophy! At that time I was already working at the Institute of Philosophy and when I came to the Kurchatov Institute, I heard physicists saying "Please do not liken philosophy to physics (that is, we do not need the philosophy of physics), but "restore the perpendicular". It was awesome. I haven't communicated with those people until recently (with one of them we were laureates of the A. von Humboldt Foundation prize). So I invited our best philosophers to them and we talked about phenomenology, which is my specialty, and about existentialism which is my specialty as well.

At that time we were friends with my future husband, sociologist and historian of thought Y. Zamoshkin. He told the physicists about Freud, do you understand? He told them everything possible to tell about the Freudian philosophy! I told them mainly about existentialism, it was in fashion then and many people wrote a lot about it. So I

conducted the seminars for 2 or 3 years receiving invitations to teach courses from different institutions: of physical chemistry, chemical physics ... They listened carefully! They asked a lot!

Sometime later I performed in theaters. In particular, I performed at Sovremennik: we were friends with Vitaly Wolf, who worked with my husband, and other actors. Oleg Tabakov has died recently, and this is a deep wound...

So Oleg Tabakov and many others were there and I was talking about existentialism. I said: "You might have already read something from existentialists". And Tabakov said, pointing at his comrades: "They have read, but I haven't". Although it was quite the opposite! They wanted to listen to all philosophical issues and to discuss them ... In a word, we had a special atmosphere, and there was an interest in philosophy among natural scientists, mathematicians and artists.

V.G.: Well, nuclear scientists are the closest to existential problems!

N.M.: Here is a very precise wording – "to restore the perpendicular, no need for parallels". I did not deal with the philosophy of physics; I was engaged with Western philosophy which was my specialization. As I remember, that time was very creative and there was a request for high theoretical culture in our society. In "Philosophy issues" we engaged in conversations with physicists and writers, with Likhachev dealing with philosophy as well! People were interested and they used to read.

Nowadays it's eradicated and no longer exists. It's terrible! I have watched a special evening at "Nostalgia" channel recently. Bulat Okudzhava was singing and there were plenty of people there. What faces, what people! And the most important was in such words: "Let's join our hands, friends, not to get lost one by one". Where is it now? I do not see it...

M.S.: Once I was asked by a Ph.D. student, it was many years ago: "And where are all the others?" And then I thought that there is such a demand even now and not from a few men. Something went wrong. I cannot understand what exactly.

N.M.: I should tell you that I appreciate very much philosophers' work today. I've just received a report – there are more than 1000 articles in our Institute and all of them are quite special, professional, not an idle talk. These are serious texts based on tradition. They used to write it this way and now our teachers, our colleagues, and our students are writing in the same manner. And now referring to your Institute, I want to say a few words on the topic already touched – about generations. I participated in one book edited by A.V. Shestopal, devoted to the topic "MGIMO: persons and generations." It is gratifying to emphasize that among philosophers and even those who don't engage in philosophy there is a stratum of specialists who are engaged in this topic; much has been accumulated and much has already been published.

But why is it demanded from the outside so badly? There are several reasons, among them – pragmatism, the appearance of unprofessional and even harmful people among those who control science and culture, and they solve fundamental issues of our existence! Just imagine the fate of my last book. With more than 600 pages it presents the research on the early Husserl which is a blind-spot in the history of philosophy; and the book turned out to be a non-fiction bestseller! It's totally innovative. But the books are "not taken into account" in the reports now, can you imagine? If I publish an article in a journal and it gets into the Web of Science, it will be included in the report, and the book is not considered.

M.S.: Nelli Vasilievna, as I know you address the issue of this crazy scientometrics, which is actively replicating and replacing significant indicators of scientific authority. You mentioned this in your article sharply and fairly.

N.M.: It would say this is a series of articles! Moreover, it is important to note that I was engaged in the sociology of cognition, of science. I was personally acquainted with Robert Merton and he used to send me his new publications. When I took up the subject, I challenged myself to work with the materials from Web of Science (a platform grown from Merton School, from the efforts

of his student G. Garfinkel). So I took a list of journals on philosophy key to the database. I studied them all, conducted a large number of specific studies and I made two conclusions quite reasonably, as I think. First, this system is Americanized, in other words it is based on American journals. Well, let us say we've got brilliant Orientalists who publish their works in Japan, China, India... But just the Journals of Oriental studies published in the U.S. are refereed in the Web of Science!

So the resulting quality is calculated not by the world, but by the American standards. As a result our Orientalist philosophers (M.T. Stepanyants and other classics who awarded orders of different countries) are not even included in the rating! For example, if someone refers to non-Western journals, in Americanized database it's ignored. And we are all involved.

Secondly, I examined everything concerning philosophical journals. You cannot even imagine what kind of journals there are! Nobody knows them here, and they do not know anything about us. But they were once included in the system. The same thing is about Scopus. So what is the conclusion? *This is a discriminatory system in relation to a number of philosophical countries, not only Russia.* In the West it's relating to Finland and a number of other countries (I wrote about that in detail), because just the journals related to official systems are taken into account. The main centers of this system are the USA and the Netherlands, because publishing bases are located there.

M.S.: *Can we do anything in this case?*

N.M.: We can do nothing till it is a governmental, a state system. And still it is so. We were governed by Federal Agency for Scientific Organizations, bombarding us with instructions and we lived according to their instructions, and we were paid according to their instructions. And they made our academic philosophy, firstly, impoverished and secondly, "rated" by systems completely unfavorable to us.

M.S.: *Based on the above, we the same as all others can hardly realize the tricks of scientometrics, but we are in better conditions – monographies have been taken into consideration since this year. So now*

not only articles in the Web of Science and Scopus, but monographies are "valued" as well.

As regards the strategy of our department, we maintain continuity with respect to the older generations of our teachers. As you know MGIMO students have been studying for many years according to the book published under your editorship, the four-volume "History of Philosophy: West-Russia-East". We don't have enough hours to dive into the depths, in some faculties there are just 8 hours; but, at least, our students get acquainted with the philosophy not on the basis of someone's gag, but through the reference to the texts in a certain historical dynamics. Anyway sometimes there are individual voices asking: "What for do we need to study this decaying story?"; or they advise to study philosophy in the Internet not to give all classroom hours to it. Well, what for do we need universities then? In accordance with this logic, we should study other subjects – languages, economics and political science in the Internet as well. Do you think it is worth trying to defend historical and philosophical approaches under the total reduction of hours?

N.M.: Thank you for this question. In general, I am grateful to you for all of your questions! You are asking me that very things I wanted to discuss.

As for the textbook, it is included in the list of obligatory sources of the history of philosophy over here and beyond. Surely I am an interested person, because I am not just a responsible editor, but I am also an author – two and a half volumes of four were written by me. So what are our counting authorities doing today? They have one thought: it is necessary to prevent a scam! And this is an urgent issue. Yu. M. Reznik describes in his book, which has been published recently, that there are clusters developed in some provincial educational institutions, and people within refer to each other, get special magazines, and so on. According to the RSCI (Russian Science Citation Index - note) and other data, they top the list of philosophers, although none of the philosophers knows their names! But linking to each other, they

have already formed their own company there, and their indexes are high.

I have also some works about RSCI. I analyzed this system and I was displeased with it because there were plenty of “philosophical” journals of all kinds in their list! For example, there was a “Tourism Bulletin” or even a veterinary psychopathology magazine... I respect tourism, but I can hardly guess how it deals with philosophy. I want to note an interesting detail: RSCI has its own list of H-number. P.P. Gaidenko is on the top. I also have quite a good level, more than 30, which is considered to be a good number. Stepin and Huseynov, which are our wonderful academicians and researchers are there as well. Thus, this system is rather dutiful despite all the scams.

So we should not lose optimism speaking about the current state of our discipline. The problem of scientometrics is complex. The fact that the books are not included is an absurd. “Trash magazines” are also absurd. But anyway, what should make the way – fights its way.

Now let's focus on the textbook “History of Philosophy: West – Russia – East” in more detail. In our institute this textbook heads the list on the history of philosophy for graduate students. And the reason is far beyond that I'm the responsible editor. When the textbook was being prepared I managed to attract the authors – historians of philosophy – and they were real masters. And one more detail. As for me, I wrote my sections, sitting in the library of the University of Cologne. There was a large square room with textbooks on the history of philosophy all around. Once I asked Habermas: “What's your view on something new in philosophy? Where can we search for it?” He said: “It's quite simple. There is a Festschrift system – this means an edition in honor of someone's jubilee”. So sitting in the library in Cologne, I read textbooks on the history of philosophy from different countries (I work in three languages: English, German and French). Then I used it, not everything, of course, I could not refer to everything. But I hope that having written two and a half volumes, I was able to catch something significant in the new historical and philosophical field. Even more,

I offered participating to other people who were luminaries in their fields. In general, I think that we have done our work. Another issue is that it might be well to rethink and to supplement it now.

By the way, there is a detail concerning the issue of calculations. My data doesn't include the fact that I wrote two and a half volumes by myself, but it “includes” my exclusion from the list since it is assumed that any responsible editor is a swindler, signing blind somebody's materials. They have such an idea, and their policies are largely related to their various suspicions. And Federal Agency for Scientific Organizations has a ground for suspecting: “What do the scientists do?” They sit and think out the ways to play tricks on the state and the readers. The same way they treat editors-in-chief, and it's unfair of course. If I have already written two and a half volumes, then I am the author and the editor at one time. But they do not add any points for this.

But three things make me happy. The first is related to our Institute: I know that when our graduate students prepare for the exam in the history of philosophy, they study our “History of Philosophy”. The second one: MGIMO has adopted this textbook and it is being studied. It also supports me very much. I know that some other universities do the same. And the third thing is about whether it is worth studying it all ... Surely we can consign philosophy and culture to the rubbish bin of history. I'm afraid such tendencies will break through from time to time, or even strengthen.

I share the opinion that philosophy and the history of philosophy have fallen on hard times today. I see what is happening here and in the world as well, for example, in Germany and America, since I write for their publications from time to time. However, there are also positive examples. For example, at the University of North Carolina, where Marina Bykova, the editor of “Russian Studies in Philosophy”, reads the course of European Philosophy, there is no need for all the scientists and teachers to refer to publications of the Web of Science. Can you guess when it matters? It's important just during projects competitions: the scientist's presence in a

scientific citation database is an additional, strictly an additional factor for receiving grants.

By the way, in my works about citation systems I have shown that the worst thing they do concerns young philosophers. They cannot “make their way” until they are quoted, which is natural, because they have come recently, for example, in philosophy; and they are not quoted because their works are not published in top-rated publications. An endless circle has resulted. On the other hand, isn't it the task of science to pick up all new and valuable from the people previously unknown? Science lives for this! It lives according to the model completely perpendicular to the imposed rating system. But it neither excludes this system nor needs it.

Finally, I want to say: I have a special attitude to MGIMO. Not least (it might be first) because of my beloved husband Yuri Zamoshkin, as I believe, one of the outstanding people of our science and culture, who graduated from this institute. Talking about hu-

manitarian disciplines of the Soviet era, the establishment of sociology as an independent discipline was one of the most important phenomena of that time. Many “iovchuks” and others fought against sociology, against our institute, against Levada Sr. and against Petersburgers as Yadov, for example. And in MGIMO sociology was within the philosophical department, and it was philosophy developing that area. Among those who “raised” sociology was Aleksey Viktorovich Shestopal, a former Ph.D. student of my husband and a big friend of our family. Our students are also very important. How can all things grow up? It's possible if there is some kind of continuity of generations. But if not – the game is over.

M.S.: Nelli Vasilievna, we are grateful to you! You have inspired us and all our readers greatly! Thank you for the opportunity to publish this interview.

N.M.: Thank You for the Opportunity Give this Interview.